

Ю. В. Балакшина

Дискуссия о братствах в русской печати 1860-х годов

В статье рассматривается ход дискуссии о возможности возрождения православных братств в России, развернувшейся на страницах духовных и светских газет и журналов в 60-х гг. XIX в. Представлены материалы журналов «Дух христианина», «Киевские епархиальные ведомости», газеты «День»; публикации М. О. Кояловича, Н. С. Лескова, прот. Феофана Лебединцева, священника Александра Гумилевского. Выявлены основные проблемы, ставшие предметом дискуссии в первые пореформенные годы: история братств Юго-Западной Руси, перспективы возрождения братств в условиях синодальной системы, братства как церковные союзы и общественные организации.

Ключевые слова: православные братства, пореформенная эпоха, церковная печать, светская печать, Лесков, Коялович, Лебединцев.

В 40-х гг. XIX в. в русской периодической печати возник устойчивый интерес к явлению православных братств. Он был вызван публикацией ряда документов, в частности, изданием трудов Киевской комиссии для разбора древних актов, учрежденной в 1843 году. Комиссией были обнародованы уставы, грамоты, письма Львовского, Киевского, Луцкого и других православных братств Юго-Западной Руси.

В 1857 г. увидела свет книга сщмч. Иоанна Флерова «О православно-русских церковных братствах». При этом М. О. Коялович в «Чтениях о церковных западнорусских братствах» отметил, что в работе о. Иоанна «...слишком многое изложено неправильно — слишком много... схоластики и мало души» [Коялович, 268]. Однако выход книги о. Иоанна, а также первого тома магистерского сочинения самого Кояловича «Литовская церковная уния» (1859) поддержал интерес общества к теме православных братств — «...высказано было немало мыслей о братствах в русской литературе» [Коялович, 366].

Всплеск публичного интереса к феномену братств пришелся на начало 60-х гг. XIX в. и был связан с отменой крепостного пра-

ва в России. В это время дискуссия о братствах была переведена из научной сферы в практическую область. Как писали «Киевские епархиальные ведомости»: «...нам кажется, что теперь настоящая пора поднять снова вопрос о братствах, только теперь он будет вопросом не науки, а жизни» [*Вопрос*, 280].

Двумя основными центрами журнальной дискуссии о братствах стали Киев и Петербург. В июльском номере «Киевских епархиальных ведомостей» за 1861 г. было заявлено желание возобновить деятельность церковных братств. В ноябре 1861 г. та же идея была высказана в новом духовном петербургском журнале «Дух христианина»:

Теперь у русского крестьянина вдруг сделалось и свободного времени и свободных денег больше, чем было прежде. Нельзя надеяться, чтобы он употребил их как следует, если не помогут высшие классы, дворянство и духовенство. Тут законодательство совершенно бессильно. ...Отчего бы... духовенству, наравне с дворянством, не предпринять наконец самой широкой инициативы в деле народного просвещения? Отчего бы не основать у нас какого-нибудь *братства* для поддержания народных школ? [*Дух христианина* (1), 97].

Позднее авторы петербургского журнала подчеркивали, что не знали о киевской инициативе, «пришли к мысли о братствах совершенно случайно» и сожалели о том, что «Киевские епархиальные ведомости» «так мало распространены здесь в Петербурге» [*Дух христианина* (3), 473]. В том и другом случае главным «двигателем» темы братств стали главные редакторы журналов прот. Феофан Лебединцев (Киев) и свящ. Александр Гумилевский (Петербург). Протоиерею Лебединцеву оказывал активную поддержку митрополит Киевский и Галицкий Арсений (Москвин). В редакцию журнала «Дух христианина» входил также сщмч. Иоанн Флеров, автор магистерского сочинения о церковных братствах.

Оба журнала, продвигая тему возрождения церковных братств в современности, быстро пришли к необходимости познакомить своих читателей с историей братств Юго-Западной Руси, указать на традиционность такой формы организации церковной жизни для православия. Так, в апрельских номерах «Киевских епархиальных ведомостей» за 1862 г. (№№ 8 и 9) была напечатана пространная статья редактора журнала прот. Лебединцева «Братства» с подробной историей возникновения и эволюции братств

от древнерусских братчин до современности. Священник Александр Гумилевский в мартовской книжке 1862 г. журнала «Дух христианина» писал: «Многие знают о православных церковных братствах только по слухам и смотрят на предполагаемое братство как на что-то новое, небывалое и поэтому невозможное у нас», между тем «братство — дело весьма древнее». Аргументируя свою точку зрения, он ссылаясь и на слова Спасителя ^{*1}, и на опыт братства Юго-Западной Руси:

*1 Мф 23:8

У всех них одно звено — христианская любовь; у всех них одна цель — вспомоществование православным южно-русским училищам, богадельням, странноприимным домам, типографиям, поддержание церквей и монастырей [Дух христианина (2), 313].

В дальнейшем в журнале появилась рубрика «Летопись братства», в которой собирались материалы по истории братств из других духовных и светских журналов и публиковалась информация о том, как разворачивался процесс создания братства в поддержку духовных училищ в Петербурге.

Связующим звеном между киевской и петербургской линией апологии братств стал Н. С. Лесков, который с 1850 по 1857 г. проживал в Киеве, а в 1861 г. поселился в Петербурге. 27 мая 1862 г. в одной из петербургских газет появился его очерк «О христианских братствах в России», в котором Лесков подробно пересказал историю братств, изложенную в статье прот. Лебединцева, и вступил в полемику с автором небольшой заметки без подписи под заголовком «Вопрос о братствах», опубликованной в № 8 «Киевских епархиальных ведомостей» за 1862 год.

В сентябре 1862 г. в дискуссию о братствах включился историк, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Коялович, который опубликовал в газете И. С. Аксакова «День» целый ряд материалов: «Чтения о церковных западно-русских братствах» (День. 1862. 8 сентября — 20 октября. №№ 36–42), «Несколько сведений о современном состоянии церковных западно-русских братств» (День. 1862. 3 ноября — 10 ноября. №№ 43–44), «Приглашение записываться в церковные братства Западной России» (День. 1863. 16 ноября. № 46), «Исторические воспоминания по поводу пинских братств» (День. 1863. 30 декабря. № 52) и др. Материалы Кояловича, опирающиеся на серьезные научные исследования, вывели дискуссию о братствах на новый уровень, позволявший говорить не только об органичности братств с точки зрения

русской истории, но и об укорененности братской формы устройства жизни в традиции Православной церкви.

Дискуссия о братствах разворачивалась на фоне многочисленных публикаций о желательности возрождения различных форм местной соборности. Так, журнал «Душеполезное чтение» в 1862 г. сообщал об инициативе московского священника Алексея Ключарева, который предпринял попытку создания «Попечительского совета о приходских бедных при казанской, у калужских ворот церкви, в Москве» [*Душеполезное чтение*, 257]. Журнал «Духовная беседа» опубликовал заметку неизвестного автора с предложением почитать просветителей славянских свв. Кирилла и Мефодия особыми собраниями мирян, которые должны «...положить себе собираться ежемесячно в воскресный день у священника, в городах — всем приходом, в селах — всем миром, в деревнях, где нет церкви, в мирской избе в присутствии диакона, который бы приезжал из прихода, в монастырях всей братией, и, отслужив молебен свв. Кириллу и Мефодию о нуждах своих, особенно об открытии школ, — а где они уже существуют, об их поддержании и направлении, — делать посильные складчины как для школы, так и для поддержания или украшения церкви, для помощи бедным и больным, для призрения сирот, для доставления работы или убежища нищим, словом, миром, с общего согласия, решать все добрые и полезные дела своего прихода или общества...» [*По вопросу*, 273]. В заметке несколько раз подчеркивалось, что такое собрание должно происходить на добровольной основе, «не принуждая, не понося никого, — не вводя никаких формальностей» [*По вопросу*, 273].

Вопросы местного самоуправления были тесно связаны с проблемами народного образования и благотворительности. В ситуации, когда крестьянскому сословию была предоставлена экономическая самостоятельность, остро встали вопросы о том, на каких началах будет строиться жизнь «поселян», кто будет руководить образованием народа, как будут решаться вопросы оказания материальной помощи неимущим. Духовные журналы соглашались со светскими в вопросе о том, что образование для русского народа необходимо, но опасались отрыва нового светского образования от религиозно-нравственных основ:

Но, видя во всех пламенное желание учить народ, мы невольно спрашиваем себя: все ли взявшиеся за обучение народа одинаково понимают, как вести это дело, чтобы оно принесло пользу, а не вред государству? [*Петров*, 21].

В сфере благотворительности внимание было устремлено к формам самоорганизации, возникшим еще в ранней церкви. Так свящ. Павел Матвеевский в журнале «Странник» в статье «О благотворительности древних христиан» писал:

Лучшим, самым наглядным выражением того духа чистой, бескорыстной и искренней любви, который проникал древних верующих и соединял их в одно общество — учеников Господа Иисуса Христа — была древняя агапа [Матвеевский, 156].

Идея была подхвачена журналом «Дух христианина» и перенесена в практическую плоскость. Отец Александр Гумилевский призывал прихожан «...возвратиться к тому способу благотворения, который издревле употреблялся в христианской церкви» и восстановить те «...“вечери любви” или те “братские обеды” для бедных и нищих, память о которых до сих пор в названии обедни» [Летописец, 65].

Авторы подобных статей полагали, что возрождение братств как традиционной формы самоорганизации населения, позволит решить проблемы благотворительности, образования, оживления церковной жизни в заново формирующемся российском социуме:

Нам кажется, что дух простой, бескорыстной любви евангельской, которым богаты еще наши поселяне, лучше всяких официальных распоряжений, умнее всяких хитро придуманных организаций, соединил бы лучших членов наших сельских обществ в тесные, хотя и небольшие кружки — на пользу школ, на дела благотворения, на украшение храмов Божиих, а во главе этих кружков стали бы пастыри церкви, не как начальники, но как советники, руководители и помощники в благом и Богоугодном деле [Вопрос, 282].

Среди принципиальных противников идей, проповедуемых журналами «Киевские епархиальные ведомости» и «Дух христианина», Н. С. Лесков называет «“убогую газетку” братолюбца нашего г. Аскоченского» («Домашняя беседа») и журнал «Странник» [Лесков, 443]. Публикаций, открыто направленных против идеи братств, в этих изданиях нет, названные Лесковым журналы консервативного толка, обеспокоенные бурным вторжением новых явлений в церковную жизнь России, стремились к утверждению православного монашеского благочестия как единственной нормы христианской жизни.

Развернувшаяся в русской периодической печати дискуссия выявила ряд проблем, связанных как с историей православных братств, так и с возможностями их возрождения в России во второй половине XIX в. Наиболее остро стоял вопрос, сохранилась ли в стране традиция братской жизни, и насколько органично она присуща русскому народу. «Киевские епархиальные ведомости» и «Дух христианина» стремились показать непрерывность братской традиции, начиная с XVI в., доказать, что в Литве и на Украине до сих пор существуют остатки западнорусских братств. Так, прот. Феофан Лебединцев отмечал, что в «...нынешней киевской губернии, каневского уезда, в селе Дыбинцах при храме Успения Божьей матери и теперь существует братство в полном составе, с таким устройством, как будто мы видим его в XVI и даже XV веках» [Лебединцев, 271]. Редакторы журнала «Дух христианина» подробно описывали православные церковные братства, существующие почти при всех приходских церквях в Литве. Более того, апологеты братств были уверены, что даже «...если утрачивались письменные уставы древних братств, то содержание этих уставов живо хранилось в памяти народной, в обычаях стародавних» [Лебединцев, 313].

Не столь однозначно оценивал жизнеспособность братств Н. С. Лесков. Он видел существенные нарушения в строе церковной жизни, в способности народа к самоорганизации и ставил вопрос довольно остро:

Живо ли в народе сочувствие к таким братствам, о каких хлопчут лица, редактирующие «Дух христианина» и «Киевские епархиальные ведомости», и есть ли готовность к основанию свободных братств без всякого стороннего побуждения, которое только портит дело... [Лесков, 442].

Возводя историю появления братств к традиции древнерусских братчин, многие исследователи задавались вопросом, почему братства получили широкое распространение на юго-западе и практически не сохранились ни на севере, ни в центральной России, а следовательно, можно ли их считать явлением русского духа, православной традиции или они возникли в большей мере под влиянием западного мира. По мнению Н. С. Лескова, «...в симпатиях русского духовенства к братствам мы видим общее русское желание жить миром и миром стоять за себя и за брата: "друг о друге, а Бог обо всех"» [Лесков, 431]. Протоиерей Лебединцев и М. О. Коялович, в большей степени опирающиеся на исто-

рические факты, чем на интуитивное постижение национального духа, не могли не отметить, что братства сохранялись там, где в общественной жизни было возможно «...стремление к самостоятельности, самосуду и самоуправлению, к разного рода льготам и привилегиям, непротивное общему духу и строю государственному» [Лебединцев, 263], выражавшееся в цеховом устройстве и магдебургском праве. Наиболее определенно связывает возникновение братств с западными формами общественного устройства Коялович, который видит в магдебургском праве «распространение выгод конституционной жизни на средние сословия» и гарантию возможности членам братств «энергично защищать свои религиозные интересы» [Коялович, 293].

Возвращение братств в контексте российской жизни, выработавшей формы общественного и государственного устройства в условиях крепостного права, ставило проблему внутренней готовности народа к самоорганизации и самоуправлению («Закабаленный и всеми мерами теснимый народ год от году терял свое благосостояние, энергию и бодрость духа, быстро упал даже в собственном сознании» [Лебединцев, 318]), а также возможности экономической и юридической самостоятельности возрождаемых братств. По мнению прот. Лебединцева, не менее серьезной, чем крепостное право, причиной упадка братств стало введение в 1837 г. института становых приставов:

Становые пристава, сосредоточивая в своих руках всякое общее и частное судоразбирательство, начали преследовать все старинные общинные учреждения и обычаи поселян, одним словом — все, что носило еще на себе какую-нибудь тень общины, собрания, самоуправления и общественного суда [Лебединцев, 319].

Становой пристав назначался губернским правлением из числа дворян, имевших собственность в уезде, тогда как братский суд опирался на «силу нравственного суда в простом народе» [Лебединцев, 325]. В 1861 г. были введены волостные и сельские управления — крестьянские сословные учреждения, соединявшие распорядительную, исполнительную и судебную власть. Однако на практике их самостоятельность существенно ограничивалась строгим определением сферы их деятельности и дворянско-административной опекой. Характерно, что в Проекте устава сельских братств, составленном по инициативе киевского митрополита Арсения (Москвина) и опубликованном в 1862 г. в «Киевских

епархиальных ведомостях», вопрос о братском суде оговаривался особо. Братство «...не вмешивается ни в какие дела, его не касающиеся и подлежащие ведению и разбирательству сельского и волостного управления, не входит ни в чьи семейные и хозяйственные дела и тяжбы» [*Проект*, 577]. В то же время в уставе оговаривалась возможность братского суда в случае, если крестьяне прибегали к нему добровольно:

...Но если бы два или несколько лиц из односельцев, а тем более из членов братства в какой-либо тяжбе сами попросили посредства суда и примирения решения братского, объявив, что они добровольно и беспрекословно подчинятся ему, то братство не может отказать их просьбе, обязываясь впрочем разрешать и примирять вражду, судить по долгу совести и сущей справедливости, сообразно с законом любви Христовой [*Проект*, 578].

Система церковного устройства, основной единицей которой были приходы, также не предусматривала альтернативных самоуправляющихся церковных объединений. Проект устава для сельских братств предполагал, что связующим звеном между братством и приходом станет священник, но руководство жизнью братства с его стороны будет добровольным и неформальным:

Духовный отец наш, иерей №, да будет и в этом деле нашим советником, руководителем и наставником. Да председательствует он в наших сходах, когда сам прийти пожелает или будет приглашен от нас [*Проект*, 574].

Н. С. Лесков же считал, что священники не смогут возглавить процесс братского собирания, в силу отсутствия «живой связи между миром, соединявшимся в братство, и духовенством» [*Лесков*, 443], опиравшимся «только на одно свое официальное значение» [*Лесков*, 443]. В Положении Комитета министров «О правилах для утверждения православных церковных братств», принятом 8 мая 1864 г., братства целиком подчинялись наличествующей приходской системе церковного устройства. Согласно 2-му пункту Положения, братства могли учреждаться «при церквах и монастырях, с благословения и утверждения епархиального Архиерея» [*О правилах*, 409]. Прямой контроль за деятельностью братств со стороны епархиального архиерея (в Положении), заменивший мягкую опеку их деятельности приходским священником (в Проекте), должен был, по всей видимости, предотвратить конфликт, неоднократно описанный историками:

...Раньше или позже, так или иначе, а не мог не произойти сильный разлад братств с иерархией, особенно высшею [Коялович, 296].

Причина разлада виделась не столько в несовместимости активности мирян с деятельностью иерархии, сколько в разном понимании принципа легитимности церковной власти. Духовные, как пишет М. О. Коялович, «опирались на внешний свой авторитет или даже на материальную власть», миряне же требовали, чтобы «иерархия с чисто церковным авторитетом — самым священным — непременно соединяла высокий моральный авторитет» [Коялович, 297]. Очевидно, что в рамках синодальной системы, не предполагавшей выборности духовенства, авторитет иерархии мог оставаться только внешним, поэтому нужно было на уровне государственного законодательства подчинить инициативу мирян официальной церковной власти.

Так или иначе, возрождение братств в России ставило перед церковной общественностью вопрос о фундаментальных основах существования церковного организма. Максимально близко к решению вопроса, как «...возможно было появление и существование такого явления в православном мире и законно ли оно» [Коялович, 269], подошел в своих статьях М. О. Коялович. Он стремился обосновать прежде всего неразрывную связь братств с православной традицией, свободной от крайностей католичества и протестантизма:

...В православии отвергаются, с одной стороны, материальное и умственное насилие в делах веры, неразлучное с безусловным господством иерархии над простыми верующими, и, с другой стороны, безусловное участие в делах веры всех верующих, неразлучное с уничтожением иерархии и всего прочего в Церкви [Коялович, 273].

Другое важное наблюдение автора связано с описанием двух «складов общественной религиозной жизни в этом мире» [Коялович, 273]. В более поздней терминологии эти «склады» были названы «константиновский» и «до- /пост- константиновский» периоды церковной жизни, однако М. О. Коялович рассматривает их не в диахронном, а в синхронном аспекте, избегая оценок и считая оба «склада» закономерным результатом исторического развития. Первый склад, по мнению историка, характеризуется тем, что веру «принимают официальные лица

и содействуют ее успехам» [Коялович, 274]. Государственная поддержка обеспечивает «удобства, привилегии, права» церковной иерархии, позволяет закрепить интересы веры в законодательстве страны, но лишает веру внутренней энергии и силы: «...интересы веры все более и более сосредотачиваются в официальной сфере, в ведомствах, в бумагах» [Коялович, 274]. Второй склад формируется в условиях, когда «официальная часть или не знает ее [веру. — Ю. Б.], или знает, но враждебно» [Коялович, 275].

В ситуации индифферентизма власти или прямых гонений на веру, верующие, «...кто бы они ни были, сдвигаются в плотную массу защитников, ревнителей ее» [Коялович, 276], что обеспечивает ей внутреннюю силу, разнообразие форм, пробуждение народной мысли. «Сознание полноты моральных сил» ведет к пробуждению «неодолимого стремления к грамотности, просвещению» [Коялович, 304]. Братства рассматривались М. О. Кояловичем как явление второго склада религиозной жизни, характерного для первых трех веков существования христианства, для жизни греков и южных славян под властью турок. Закономерно возникал вопрос, могут ли возродиться православные братства в рамках синодального устройства Русской православной церкви?

В 1862 г., когда возрождение братств еще только проектировалось, опасение, что прекрасная идея окажется несовместимой с практикой русской церковной жизни, высказал Н. С. Лесков:

Ошибки в *идее* братств и в их значении по *идее* мы решительно не предвидим, но опасаемся, удачно ли будет практическое применение этой *идеи* [Лесков, 443].

А уже в 1865 г., когда рождение братств стало массовым явлением и вызвало к жизни специальное Положение Комитета министров, родоначальник братской жизни в Петербурге священник Александр Гумилевский писал:

...Некоторые из них... только принимают название «Братства» и мало заботятся о развитии в среде членов своего духа братства, заповеданного Спасителем. Дело же не в названии, а в духе и жизни. Мы должны заботиться о том, как воскресить в народе нашем дух истинно братской любви к своим братьям, а не о том, чтобы сформировать какое-либо общество... [Летописец, 68].

Тем не менее широкое распространение братств стало фактом русской жизни второй половины XIX в. Позволим себе предположить, что питательной средой для этого явления стала не церковная жизнь, а процессы, связанные с формированием гражданского общества. Выстраивание общественных связей, альтернативных бюрократизированной официальной системе отношений, особенно успешно проходило в делах социальной благотворительности, милосердного служения, помощи немощным и неимущим. Братства, сестричества, приходские попечительства стали формами общественного собирания, позволявшими социально активным людям реализовывать потребность в деятельном милосердии и брать на себя ответственность за жизнь своего города или края. Вопрос о возрождении внутри братств живого общения и духа христианской братской любви, о братстве как о наиболее адекватном образе воплощения жизни церкви в этом мире, был поставлен в начале XX в., особенно в послереволюционную эпоху, когда закончился Константиновский период жизни церкви.

Источники и литература

1. *Вопрос* = Вопрос о братствах // Киевские епархиальные ведомости. 1862. 15 апреля. № 8. Отдел второй. С. 280–282.
2. *Дух христианина (1)* = Современное обозрение // Дух христианина. 1861. Ноябрь. Отдел III : Смесь. С. 87–136.
3. *Дух христианина (2)* = Летопись предполагаемого братства // Дух христианина. 1862. Март. Отдел III : Смесь. С. 312–317.
4. *Дух христианина (3)* = Летопись предполагаемого братства // Дух христианина. 1862. Июль. Отдел III : Смесь. С. 468–490.
5. *Душеполезное чтение* = Церковная летопись // Душеполезное чтение. 1862. Апрель. С. 257–260.
6. *Коялович* = Коялович М. О. Шаги к обретению России. Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 752 с.
7. *Лебединцев* = Лебединцев Феофан, прот. Братства // Киевские епархиальные ведомости. 1862. Отдел второй. № 8. С. 258–274; № 9. С. 310–325.
8. *Лесков* = Лесков Н. С. О христианских братствах в России // Он же. Статьи. М. : Директ-Медиа, 2014. С. 431–444.
9. *Летописец* = Летописец. Современное обозрение // Дух христианина. 1865. Март. С. 61–79.
10. *Матвеевский* = Матвеевский Павел, свящ. О благотворительности древних христиан // Странник. 1862. Апрель. Отдел II. С. 153–178.

11. *О правилах* = О правилах для утверждения православных церковных братств // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXIX. Отделение первое. 1864. № 40457–41318. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 409–411.
12. *Петров* = Петров Леонид, свящ. О необходимом условии истинного образования русского народа (по поводу открытия воскресных школ) // Странник. 1861. Февраль. Смес. С. 21–35.
13. *По вопросу* = По вопросу о народном воспитании // Духовная беседа : Церковная летопись. 1862. С. 265–274.
14. *Проект* = Проект устава для сельских братств // Киевские епархиальные ведомости. 1862. Сентябрь. № 17. Отдел второй. С. 573–582.

Y. V. Balakshina

Discussion on Brotherhoods in the Russian Press in 1860s

The article considers the course of the discussions on the possibility of reviving Orthodox brotherhoods in Russia, launched on the pages of ecclesiastical and secular newspapers and magazines in 1860s. The author analyses the articles in the periodicals “Dukh Khristianina” (“The Spirit of the Christian”), “Kiyevskiye Eparkhialniye Vedomosti” (“Kiev Diocesan Journal”), “Den`” (“The Day”) as well as the publications by M. O. Koyalovich, N. S. Leskov, Archpriest Theophanes Lebedintsev, Priest Alexander Gumilevsky. The author highlights the major points of discussion in the first post-reform years, such as the history of brotherhoods in the South-Western Russia, the prospects of reviving brotherhoods within the Synodal system, brotherhoods as church unions and public organisations.

KEYWORDS: Orthodox brotherhoods, the post-reform period, church press, secular press, Leskov, Koyalovich, Lebedintsev.